

Прикосновение зверя

Автор:

[Ольга Аро](#)

Прикосновение зверя

Ольга Аро

Шёпот зверя #3

Жизнь Вэл меняется навсегда. Она больше не слабая девушка, которая не способна постоять за себя. Она восстает из пепла былых надежд, чтобы возродиться в новом облике – хладнокровной помощницы госпожи разбойничьей шайки. Ее кинжал обагрён кровью, а сердце превратилось в лед. Единственно, кто имеет для нее значение, – это бродячий мальчишка и собака. Казалось, будущее предопределено, но прошлое неумолимо настигает и ставит перед тяжелым выбором. Что важнее: былая верность стае или новые друзья и привязанности? И что сильнее: мучительная любовь к черному зверю или свобода?

Ольга Аро

Прикосновение зверя

Глава 1

– Красивый. – Мальчишка, смахнув со лба непокорные вихры, отправил в рот кусок белого хлеба.

– В оружии красота не главное. – Вэл подняла клинок ближе к свету, наблюдая, как солнечный блик играет на остром лезвии.

– Если это не главное, зачем ты попросила кузнеца сделать рукоять с этими камушками? – Никс весело прищурился, поглядывая на девушку.

– Хороший вопрос, – пряча улыбку, задумчиво протянула Вэл, рассматривая полудрагоценные черные матовые камни, украшающие рукоять кинжала, а затем перевела взгляд на восседающего на кровати парнишку. – Слушай, я тысячу раз говорила тебе: не ешь в моей постели!

– Прости. – От одного взгляда направленных в свою сторону голубых глаз Никса как ветром сдуло с кровати.

Вэл вздохнула, опуская плечи.

Мальчишка побаивался ее, наверное, даже уважал, но это не мешало ему моментально забывать о некоторых вещах, которые невероятно раздражали девушку.

Она и сама не знала, почему позволила Никсу находиться рядом. То ли его пронируемость, то ли некое безразличие Вэл к этому вопросу сыграло свою роль, но Никс вошел в ее новую жизнь, не спрашивая на то разрешения.

Она внутренне усмехнулась, вспоминая, как первое время, после того как Джанека великодушно приняла ее в гильдию, маленький воришка неотступно следовал за ней, поначалу скрываясь в темных подворотнях, несмело выглядывая и провожая взглядом, а затем, спустя несколько дней, будучи уверенный, что объект слежки не подозревает о его существовании, пробрался в мансарду.

Глупый малыш, возомнивший себя взрослым.

Вэл вжала его в стену, прижимая запястье к тонкому горлу и заставляя высоко задирать подбородок.

– Совсем страх потерял? – прошипела она, ногой отодвигая яростно рычащего Раша.

Вредить мальчишке не было никакого повода и ни малейшего желания, к тому же Вэл давно знала о том, что сопляк следит за ней.

– Я... простите... – прохрипел парнишка.

Глаза, круглые от страха, налились слезами. Вэл презрительно фыркнула и резким движением швырнула мальчишку на пол. Тот повалился на половик, будто куль с тряпьем.

Раш с рычанием бросился к нему и схватил зубами за штанину. Паренек взвизгнул от боли, подбирая под себя ноги.

– Нельзя! – рявкнула Вэл, и Раш, недовольно посмотрев на хозяйку, отошел в сторону.

– Кто тебя подослал? Джанека? – Вэл несильно пнула парнишку носком сапога.

– Н-нет, – пискнул тот, сжимаясь в клубок.

– А кто? – начиная уставать от ситуации, нетерпеливо спросила Вэл. – Отвечай, или я прирежу тебя! Какого демона ты забыл у меня дома?

Нижняя губа мальчишки предательски затряслась. Светлые пшеничные волосы, спутанные, криво подстриженные и прикрывающие уши, мгновенно пропитались потом, заструившимся по бледному лицу.

Вэл закатила глаза и выдохнула.

«Спокойно. Просто держи себя в руках».

– Спрашиваю последний раз, – процедила сквозь стиснутые зубы Вэл, – что ты здесь делаешь и кто тебя подослал?

- Н-никто, - запинаясь, промямлил мальчишка, - я с-сам.

- Сам? - Вэл удивленно приподняла брови. - Издеваешься? Раш!

Черный пес мгновенно отозвался на свою кличку. Верхняя губа поднялась в оскале, обнажая острые белоснежные клыки. Глухое, не предвещающее ничего хорошего рычание вырвалось из его пасти.

- Честно! Клянусь! - Мальчишка шмыгнул носом, пятясь по полу назад. Серые глаза, широко распахнутые от испуга, блестели влагой.

- О боги, - простонала Вэл, - зачем ты следил за мной? Давай уже говори, пока мое терпение не иссякло.

- Н-не знаю... - прошептал парнишка, с опаской поглядывая на Раша. - Простите, миледи. Я... просто... Не знаю... Я хотел...

- Хотел? И что же ты хотел? - Вэл злилась на ситуацию.

Самой ей хотелось только одного - лечь в кровать и забыться сном, а не разбираться с непонятным замызганным пацаненком, чуть не наделавшим в штаны от страха.

- Я хотел... познакомиться, - выпалил парнишка.

Вэл не сдержала вздох удивления. Она была готова услышать что угодно, но не то, что произнес мальчишка.

- Шутишь? Скажу, идиотские у тебя шутки. - Поморщившись, Вэл пожала плечами. - Лучше бы сказал, что хочешь обчистить мой дом. Это звучало бы куда правдоподобнее, знаешь ли.

- Нет! - поспешно выкрикнул парнишка. - Я не думал даже! Никогда!

Вэл нахмурилась, рассматривая бледное вспотевшее лицо. Что-то подсказывало ей, что мальчик не врет. Что-то, мелькнувшее в широко распахнутых серых глазах. Что-то, так неуловимо похожее на...

Она стиснула кулаки, кусая губы. Когда-то Ра видел ее такой же, верно? Испуганной, жалкой, с глазами, полными слез. Стремящейся к человеку сильнее себя. Смотрящей на него как на невидаль, существо из другого мира.

Ищущей защиту.

– Убирайся отсюда, пока я не передумала! – Горечь, сквозившая в сдержанном тоне, не укрылась от самой Вэл, но осталась не замеченной мальчишкой. – И больше не попадайся мне на пути!

Парнишка не был глуп. Следовало это отметить. Он вскочил на ноги и прошмыгнул в дверь так быстро, словно за ним гнались все демоны преисподней. Но вот с «не попадаться на пути» у него случилась промашка.

Иногда Вэл думала, что вело ее в ту ночь дорогой, отличной от обычной. Собственная воля или воля богов? Кто знает.

Но если это боги послали ее на этот путь – они желали, чтобы случилось то, что случилось.

Вэл покинула Джанеку злая и одновременно растерянная. Не нравилась ей кровожадность госпожи в некоторых вопросах.

Вот и сегодня, узнав о том, что Джанека приготовила, Вэл выразилась резко и принципиально – убивать детей она не будет. Никогда. Даже за большое вознаграждение. Даже детей, отец которых вырезал семью одного из гильдии Джанеки.

Госпожа была в ярости. Вэл стояла на своем, зная, что ходит по лезвию бритвы. Пусть. Есть вещи, которые должны оставаться неизменными.

Они так и не пришли к согласию, и Вэл покинула госпожу, понимая, что в ближайшее время придется сделать все возможное и невозможное, чтобы вернуть ее расположение.

Впрочем, слухи, доносившиеся до Вэл, приободряли. Воры, бездомные и преступники всех мастей шептались за спиной девушки, и кое-что, долетавшее до нее, удивляло и одновременно заставляло улыбнуться. Например, что ее считали честной убийцей. Порядочной.

Если такие вообще существовали в этом прогнившем мире.

А убивать Вэл научилась. Судя по всему, получалось это у нее не хуже, чем воровство кошельков в рыночной толпе.

Нет, не было никакого изматывающего боя с равным противником, никакой доблести и чести.

Сумрак ночи и лунный свет; имя, накорябанное на смятой бумажке или сказанное вслух, и отсутствие вопросов – одно слепое повиновение.

Ее называли Тень.

И только Тень могла, незаметно подобравшись, перерезать горло пьяному забулдыге, перечившему Джанеке, или вонзить клинок в сердце мирно спящего попрошайки, не отдавшего свою часть доли строгой госпоже.

Бесчестная честная убийца, подчищающая за Джанекой ее грязные дела.

Вэл и сама не понимала, когда в ней сломалось то, что прежде не позволяло хладнокровно отпускать тетиву лука или вытаскивать из-за пояса изогнутый клинок.

Выследить ни о чем не подозревающую жертву было просто. Исчезнуть в сумраке, скрывая свое лицо под капюшоном, казалось естественным, будто она всегда занималась только этим.

Почти истина, не так ли? Вся ее жизнь – это попытка раствориться в людской толпе, смазать собственное лицо.

Умелая воровка, которая стала неплохой убийцей.

Горько, словно она не оправдала ожиданий матери. Только вот матери у нее не было.

Когда-то Вемир говорил, что она вряд ли сможет убивать, глаза у нее не те.

Вэл не знала, что значит «не те». Но знала, в том числе и благодаря тренировкам Вемира, что стала той, кем не должна была стать.

Никаких угрызений совести, никакой вины за содеянное.

Удовольствие? Нет, скорее удовлетворение от того, что наконец все встало на свои места.

Она не чувствовала ровным счетом ничего или старательно делала вид, что не чувствовала. Она не хотела задумываться о своей жизни, разбирать мотивы собственных поступков – от этого уловимо пахло гнилостным, сладковатым душком самообмана.

Но правду не скрыть, верно? От этой мысли становилось тошно, как от приторной медовухи, льющейся в пересохшее горло.

«Будь честна сама перед собой и признай это, Валлери».

Все лежало на поверхности – она наказывала себя. Жестоко, изощренно, уничтожая в своем естестве главное – истинную себя.

Вэл наслаждалась тем, как рушатся твердыни ее принципов и правил, гордости и морали, покрываясь глубокими трещинами.

За Шейна. За Раза. За собственную глупость, повлекшую необратимые последствия.

«Хватит».

Мысли, не несущие в себе ничего. Не стоит тратить на них время.

Вэл поморщилась, загоняя внутренние терзания в самую глубь своей темной как ночь души.

Громкий шум привлек внимание. Двери захудалой таверны были распахнуты, оттуда доносились пьяные голоса и смех вместе с запахом блевотины и скисшего пива.

Она прищурилась, рассматривая близ таверны сгорбленную фигуру, скорчившуюся на заплыванной брусчатке. В свете одинокого фонаря были явственно видны четверо мужчин, стоявшие полукругом, как хищные звери, загнавшие в ловушку свою жертву.

Хотелось пройти мимо. Чужие хмельные разборки не касались Вэл, только взгляд так не вовремя выхватил из общей картины знакомое бледное лицо.

Кровь стекала из разбитой губы, под заплывшим слезящимся глазом наливался огромный синяк, отпечаток грязного сапога виднелся на алевшей скуле.

Вэл колебалась всего мгновение.

– Отвалите от него! – крикнула она, ускоряя шаг.

Мужчины обернулись, и злые ухмылки сменились кровожадным удовольствием. Конечно, еще одна возможная жертва. Так кстати, пока не развеялся дурманящий пустые головы азарт.

Вэл внутренне напряглась, словно собираясь в пружину. Ближний бой, да еще и с четырьмя крупными мужчинами – явно не лучшая перспектива на сегодняшний вечер. Да и, как назло, Раша не было рядом. Но, увидев лицо мальчишки, залитое кровью, она не могла позволить себе безразлично пройти мимо.

В конце концов, это был обыкновенный ребенок, которому, как и Вэл когда-то, «повезло» родиться не в то время и не в том месте.

– Че надо, шлюха? – Коренастый мужик, судя по грязному одеянию, типичный обыватель этого богами забытого места, прищурил узкие глаза, недобро поглядывая на приближающуюся девушку.

– Отпустите мальчишку. – Вэл предусмотрительно остановилась в десятке шагов от ухмыляющихся мужчин.

Нехорошая ситуация вырисовывалась, очень нехорошая.

– Да ну? Еще че хочешь? – Мужик с вызовом сплюнул. – Может, отсосать нам?

– За что бьете? – Вэл смотрела прямо в лицо коренастого мужика, прикидывая свои шансы.

Прикидывать было нечего – их просто не было. Одолеть одного – может быть, но никак не четверых. Ее оружием были темнота и тишина, идущие бок о бок с кошачьей ловкостью, а бой лицом к лицу равносителен смертельному приговору.

– А ты, смотри-ка, разговорчивая какая. Иди-ка сюда, я тебе расскажу! – За спиной мужика загоготали его дружки.

– Ты, должно быть, крут, да? Главный, что ли? – Вэл знала, что лучше уйти.

Замолчать, забыть и не рисковать. Но краем глаза она видела изумленное, полное надежды лицо маленького воришки, а внутри все сжалось от одной только мысли о спасении собственной шкуры.

Остро запахло неприятностями.

– А тебе что за дело? Сама-то кто такая, шалава?

– Никто. – Ладонь предусмотрительно легла на рукоять кинжала. – Отпусти мальчишку, и я уйду.

– Захлопнись, поняла? – хохотнул мужик, и его соратники с удовольствием поддержали его громким пьяным смехом.

– Понятнее некуда, – мягко проговорила Вэл, внимательно наблюдая за движениями бурно веселящейся компании.

Коренастый с лязгом выхватил из ножен короткий меч, бросаясь на Вэл. Она, поминая недобрым словом свой талант влипнуть в нехорошие ситуации, легко отбила клинок мужика и парой ударов заставила его отступить назад. Мужик зарычал, казалось, теряя человеческое лицо.

«Вот настоящие оборотни, – пронеслось в голове. – Пьяные твари».

Атака была сильной, мужик давил весом, и Вэл с трудом отклонила его удар. Трое приятелей двинулись с места, и она, понимая, что в ближнем бою мало чего стоит, ловко ушла от одного из нападавших, резво наклонившись и пропуская огромный кулак над головой.

– Беги! – крикнула мальчишке, и тот, замороженный происходящим, дернулся, вскакивая на ноги.

Вэл едва успела отбить сильный выпад, резко развернувшись и чудом избежав ранения в живот, и тут же попятилась в сторону, скользя вдоль здания таверны.

Плохо дело, очень плохо. Одна против четверых, лицом к лицу – у нее не было никаких шансов.

Хорошее завершение вечера, нечего сказать. Как бы она ни была зла на собственную жизнь, но подохнуть у стен замызганной дешевой таверны не входило в ее планы.

– Сюда! – Тонкие пальцы сомкнулись на запястье.

Вэл, краем глаза замечая худую фигурку парнишки, в самый последний момент отбила удар меча хрипевшего от ярости коренастого мужика.

– Бежим! – Мальчишка с силой потянул ее в сторону. – Скорей!

И Вэл, не придумав ничего другого, решила последовать его совету. Лучше позорное бегство, чем бесславная смерть от меча выпивохи.

Быстрым ловким движением она увернулась, огибая двух противников со спины, и бросилась прочь, подгоняемая проклятиями в свой адрес.

Бегать она умела – этого было не отнять. Парнишка, впрочем, не уступал ей, а скорее превосходил.

Он неся вперед, как заяц, путая след, ныряя в темные закоулки и подворотни, и спустя несколько минут Вэл остановилась, тяжело прислонившись спиной к стене какого-то здания. Кинжал, направляемый твердой рукой, легко вошел в ножны.

– погоди! – крикнула она, и мальчишка обернулся, останавливаясь. – Они отстали.

– Ага. – Тяжело дыша, паренек присел на корточки и улыбнулся.

Улыбка вышла устрашающей. Разбитое лицо и заплывший глаз наделили вполне приятное лицо воришки жуткой гримасой.

– Какого демона ты там делал? – Вэл тряхнула головой, заправляя за ухо длинную прядь, выбившуюся из собранных в хвост волос. – За что били-то?

– Украл у главного кошелек, – немного смущенно пояснил мальчишка, и Вэл глубоко и разочарованно выдохнула.

– Ты даже воровать не умеешь, – презрительно фыркнула она. – Неудивительно, что они тебя поймали.

Паренек не отреагировал на насмешку, не отрывая странного взгляда от ее лица.

– Что? – Вэл нахмурилась, оглядываясь через плечо. – Мы оторвались от них...

– Ты спасла меня, – произнес мальчишка с восторженным придыханием.

Внутри точно мазками алой краски раскрасило. Непрошенные воспоминания окутали плотным удушливым коконом.

Недлинные темные волосы, подстриженные чуть короче на висках. Черные прищуренные глаза, с легким оценивающим интересом смотрящие в испуганные голубые.

– Кто... ты? – спросила прежняя, незнакомая, давно ушедшая в небытие Вэл, и мужчина усмехнулся, поворачиваясь спиной и намереваясь уйти.

– Нет, подожди, не оставляй меня здесь! – Крик эхом раздался в голове Вэл, разрезая изнутри подобно ножу легко, не встречая сопротивления.

Это было так давно, что казалось полузабытым сном.

Вэл распрямила спину, сразу становясь выше. Губы непроизвольно сжались в тонкую линию.

– Мне пора. – Она подняла руки и накинула капюшон, скрывая лицо в тени.

– Стой! – Мальчишка сглотнул, вскакивая на ноги и судорожно выбрасывая вперед руку. – Не уходи!

Вэл промолчала и развернулась, оставляя за спиной ошеломленного паренька.

«О боги, как вы беспощадны в своей справедливости».

Шаг, еще один, вперед от прошлого, настигающего ее с убийственной жестокостью.

Это выражение серых глаз. Немая просьба. Восхищение. Надежда.

– Пожалуйста, подожди! – Умоляющие нотки в голосе мальчишки вывернули наизнанку. – Не оставляй меня! Пожалуйста! Прошу тебя!

Вэл остановилась, смотря прямо перед собой и не видя ровным счетом ничего. Нервный хриплый смех вырвался из груди, она прижала тыльную сторону ладони ко рту, замолкая.

– Как твое имя? – не оборачиваясь, спросила, медленно опуская руку.

– Никс, миледи, – скомканно, с нескрываемой радостью в голосе ответил парнишка.

Вэл услышала его шаги, а затем мальчик поравнялся с ней и несмело поднял отекшее разбитое лицо, тщетно пытаясь увидеть под капюшоном глаза своей спасительницы.

– Идем, надо привести тебя в порядок. – Вэл двинулась вперед, зная, что Никс неслышно следует за ней.

Глава 2

– Тень?

– А? – Вэл лениво закинула в рот жареный кедровый орешек и подняла глаза к небу.

Прозрачно-чистая, как вода лесного озера, огромная голубая синева раскинулась над ней, бесконечная и необъяснимо притягательная.

Вэл опустила ладонь, дотрагиваясь пальцами до шелковистой зеленой травы. Она лежала на спине, раскинув руки и согнув одну ногу в колене. Черный плащ валялся рядом.

Подставляя лицо последним солнечным лучам уходящего лета, глубоко вдохнула теплый воздух.

– Ты спишь, что ли? – Никс сел на траве и потянулся за мешочком с орехами.

Непослушные пшеничные вихры обрамляли симпатичное худое лицо с живыми серыми глазами. Вэл нравились эти глаза, всегда блестящие в предвкушении приключений. Смешной мальчишка и отчасти глупый в своем неувядающем

радостном взгляде на мир вокруг.

Удивительно.

Она не могла припомнить, чтобы сама была такой когда-то. Все было так схоже: загаженный, воняющий мочой и развратом клубок никчемных жизней, только Вэл всегда видела вокруг себя грязь, а Никс словно перешагивал через нее, отгораживаясь, будто щитом, улыбкой.

«Не помнишь или не хочешь помнить себя такую?»

– Ты когда-нибудь отстанешь от меня? – улыбнувшись уголками губ, поинтересовалась Вэл.

Ответ она знала, но не могла не спросить.

– Не-а, не отстану, – Никс залез рукой в мешочек с орешками и принялся самозабвенно в нем копать, – не надейся.

– Не сомневалась. – Вэл прикрыла веки.

– Тень, а что у тебя с Джанекой? – как ни в чем не бывало поинтересовался Никс, отправляя в рот пару орешков.

Вопрос заставил недовольно поморщиться.

Ну вот, приплыли.

– Хватит, дай хоть разок отдохнуть без твоих вопросов. – Она и не собиралась скрывать свое неудовольствие, но мальчишка, казалось, совсем не обратил на это внимания.

– Да ладно тебе! Уж не просто так ты у нее в любимицах! Все об этом говорят. – Веселый голос Никса начинал раздражать, как и его бесконечные вопросы, порой настолько неожиданные, что ответы на них едва ли предполагали ложь – Вэл просто не успевала придумывать правдоподобную версию.

– Все? И кто это все? Ты? – пробормотала она, поднимая веки и устремляя взор в синее небо.

Вэл злилась на мальчишку и одновременно злилась на себя. Слишком часто Никс заставлял ее вспоминать. Своими бесконечными вопросами он легко и непринужденно закидывал Вэл в прошлое, как рыбак удочку подальше от берега.

Боги действительно великие шутники.

– Тень, ну скажи! – канючил Никс, и Вэл со вздохом поняла, что сил на сопротивление не осталось.

Не сегодня, не в этот редкий спокойный солнечный день, когда они наконец выбрались из душного города.

– Между нами ничего нет, если ты про то, сплю я с ней или нет, – сухо ответила она.

– И что – ни разу? Вот совсем? – Никс вытер губы ладонью и отбросил мешочек с орехами в сторону.

«Еще немного, и его разорвет от любопытства», – с усмешкой подумала Вэл.

– Ни разу, представляешь?

По небу пролетел косяк птиц. Вэл проследила за их полетом, невольно улавливая направление.

Свободные, они летели в сторону Гиблой топи. Полдня или день – и этот самый косяк настигнет скрытый за горами город.

– И как у тебя это получается? Кривой Сэм вон сколько вокруг нее вился, а ты пришла и сразу же оказалась в любимицах. Чудеса. Ты что-то от меня скрываешь! – Парнишка улыбался, но Вэл не особо верила в его наигранную веселость.

Каждый день Никс задавал вопросы, стараясь узнать все о своей покровительнице, а она, будучи скупа на рассказы, редко удовлетворяла эту его потребность.

Вэл не желала говорить о своем прошлом, оставив его за спиной, но мальчишка был чрезвычайно упорен.

- Опыт большой, - горько хмыкнула она, - не боюсь я грозных и ужасных.

- Это ты о чем? - В серых глазах загорелись озорные огоньки.

- Ни о чем, малыш. Рано тебе еще лезть туда, куда не просят.

Никс обиженно насупился и сложил руки на груди.

- Я не такой уж и малыш.

Вэл промолчала, задумчиво рассматривая единственное проплывавшее по небу тонкое рваное облачко.

Года, разделяющие ее и Никса, казались пропастью. Но это сейчас, когда мальчишке только четырнадцать.

Насколько старше был Раза? Вэл почувствовала укол боли и тут же прогнала невыносимые мысли. Не стоит думать о том, что не случилось.

- Говорят, она предпочитает женщин, - задумчиво сказал Никс, поглядывая искоса.

- Думаю, так и есть. - Вэл подложила под голову руки и закрыла глаза.

Сонливость медленно, но верно опутывала своими прочными сетями.

- А ты?

– Я? – растерянно переспросила Вэл, не сразу понимая, о чем спрашивает парнишка.

– Кого предпочитаешь ты?

– Что за вопросы, Никс? – огрызнулась в ответ.

Дремоту как рукой сняло. Вэл закрыла лицо руками и потерла веки.

«Твою ж мать, – хотелось сказать ей. – А день так хорошо начинался».

– Ты не спишь с мужчинами, я знаю. Ты любишь женщин? – Мальчишка не сдавался, явно почувствовав ее нежелание идти на конфликт. Хитро и до крайности бесцеремонно.

Вэл захотела парой метких слов поставить его на место, но почему-то никак не могла заставить себя это сделать.

– О, ты продолжаешь следить за мной? Какая проницательность, но смею тебя разочаровать – женщин я тоже не люблю, – раздраженно произнесла Вэл, меряя мальчишку уничтожающим взглядом.

Никс поймал рассерженный взгляд, и внезапно тень упала на его лицо.

– Уверена? – Парнишка резко подался вперед, смело перекидывая ногу через бедро Вэл и нависая над ней сверху. Палец коснулся обнаженной ключицы.

Она медленно втянула носом воздух, чувствуя тепло чужого прикосновения на своей коже.

– Уйди. Сейчас же, – процедила сквозь стиснутые зубы.

– А если я не хочу? Что тогда? – с вызовом спросил Никс.

Вэл молчала, сузив глаза и рассматривая непривычно серьезное лицо паренька.

Вот оно что, значит. И как давно Никс рассматривает ее как свою потенциальную любовницу? Не рано ли ему заглядываться на девушек?

Она поморщилась, сжав губы.

Не рано. Для паренька, выросшего на улице, – даже поздно.

– Не влюбляйся в меня, – тихо произнесла Вэл, наблюдая, как вспыхивают красным щеки мальчишки, – я не смогу ответить тебе взаимностью.

– П-почему? – Его голос дрогнул.

Вот он и растерял всю уверенность.

Вэл, глядя в лицо мальчишке, сжала расслабленную прежде ладонь в кулак.

– Потому что я не могу никого любить, – честно ответила Никсу.

Она не врала и не преувеличивала: ее сердце было мертво уже слишком давно, чтобы сомневаться в собственных словах.

– Почему? – потухшим голосом спросил он.

Серые глаза его, казалось, потеряли весь огонь.

Вэл помолчала, рассматривая растерянное лицо в обрамлении желтых, цвета спелой пшеницы, волос. Как много она могла бы рассказать ему. Могла открыться, выкладывая все карты, не скрывая ничего о черноволосом мужчине, имя которого незримо висело в воздухе между ними, о городе за горами и о тех, кто был ей бесконечно дорог и кого она покинула, даже не попрощавшись.

Слишком много чувств, которые ее сгубили.

Теперь она училась жить без них.

– Когда-нибудь я расскажу тебе. А сейчас просто слезай с меня, и забудем об этом, – спокойно сказала Вэл.

Она видела колебание в движениях мальчишки, но потом Никс выдохнул и отодвинулся, усаживаясь рядом на траву и стыдливо опуская голову.

– Я не понимаю тебя. Ты разрешила мне жить у себя и кормишь меня... и покупаешь мне вещи... и тебе ничего от меня не нужно, – растерянно пробормотал он, не смея поднять глаз.

Его смущение показалось Вэл очень милым в своей искренности. Всего пару мгновений назад Никс откровенно, хоть и неумело, соблазнял ее, а теперь не знает, куда деться от стеснения.

– Что тебя удивляет?

– Я думал, ты будешь... спать со мной. Ведь так не бывает, чтобы... – Никс шумно сглотнул. – Просто так.

Еще немного, и он, казалось, провалится сквозь землю.

Вэл стало отчасти жалко его. Такой смелый и такой глупый.

– Знаешь, когда-то я тоже так думала, Никс, и как-то предложила себя одному человеку, спасшему меня. Но он сказал, что ему не нужна моя жизнь. – Вэл слабо улыбнулась и, опершись о землю, покрытую мягкой травой, села, обхватывая рукой согнутое колено.

– Ты тоже спасла меня! – Никс вскинул голову, опалая взглядом серых глаз.

– Глупости, – фыркнула Вэл, пренебрежительно махнув ладонью, – ты и сам мог бы сбежать от тех пьянчуг, будь ты посмелее.

Никс долго молчал, разглядывая траву с таким видом, словно впервые в жизни обратил на нее внимание. Вэл видела, как мелко дрожат его пальцы, мальчишка срывал травинки и тут же бросал их.

– Тень, никто никогда не заступался за меня, – наконец скомканно проговорил Никс, не поднимая глаз, – ни разу в жизни. В Книге сказано, что...

Вэл уже сожалела о минутной откровенности. Зря она вообще позволила случиться этому разговору. Маска безучастности привычно опустилась на ее лицо, скрывая бушевавшие эмоции.

– Да-да, знаю, – сказала она поспешно, будто предмет их разговора не значил ровным счетом ничего, – но давай забудем о том, что там написано. Пожалуйста, Никс. Я не хочу, чтобы ты считал, что должен мне и именно поэтому до сих пор со мной рядом.

– Я не поэтому рядом! – горячо воскликнул мальчишка. – Ты такая... не такая, как все!

Вэл замолчала, растерянно разглядывая заалевшее лицо Никса.

«Не такая, как все?»

О боги. Несмотря на всю странность ситуации, Вэл почувствовала, как от слов мальчишки в груди нежно разлилось приятное тепло.

Она нужна ему – этому бездомному воришке, видевшему в ней свою спасительницу, ту, за чьей спиной хочется встать, скрываясь от всех невзгод жестокой реальности.

Вэл прекрасно понимала эти чувства. Только вот...

Будет тяжело. Парнишка особо и не скрывает, что глубоко, по самые уши влюблен.

Она отчетливо видела это в серых, полных с трудом сдерживаемой влаги глазах. И почему же она раньше не замечала этого? Может быть, просто не хотела заострять внимание на очевидном?

Это пройдет со временем, верно?

Или нет.

Когда-то Вэл тоже было четырнадцать, и встретить ее Раза тогда, сомнительно, что между ними завязалось бы что-либо. Но время неизбежно течет вперед, как бурная стремительная река. Пройдут годы, и мальчишка вырастет, но ведь и она станет старше.

Глупости несусветные, но вся ирония была в том, что из-за этих глупостей могли возникнуть ощутимые проблемы.

- А где он сейчас? - Вопрос так некстати выдернул ее из путаных размышлений.

- Кто? - Она моргнула, замечая, как Никс судорожно сжимает пальцами пучок травы.

- Тот человек, который спас тебя.

Вэл помолчала какое-то время, раздумывая над ответом, а затем сказала:

- Далеко отсюда. Мы никогда больше не увидимся, но некоторые его уроки я запомнила. Так что прекращай так смотреть на меня и просто... будь моим другом. Или младшим братишкой, если желаешь.

От искрящейся искренней улыбки лицо Никса озарилось, и Вэл поразило отразившееся в серых глазах облегчение.

- Ты серьезно, Тень? - с придыханием спросил он, блестящими глазами всматриваясь в ее лицо.

- Вполне, - кивнула Вэл. - Я живу вдвоем с собакой, и, наверное, это не совсем нормально. Да и не выгонять же тебя на улицу. Вор из тебя никудышный, сам знаешь, так что жалко тебя, глупого.

- Эй! - дурачась и изображая обиду, воскликнул Никс.

Вэл улыбнулась, и мальчишка широко улыбнулся ей в ответ.

– Ну-ну, мне вообще удивительно, как ты дожил до встречи со мной.

Никс возмущенно взмахнул руками, мгновенно превращаясь в обыкновенного подростка, каким он и должен был быть в своем возрасте, не укради суровая действительность его детство.

Вэл приподняла подбородок, подставляя лицо солнцу и краем уха слушая недовольное бурчание обиженного мальчишки.

Хотелось верить, что опасные темы исчерпаны и Никс больше никогда не затронет вопрос их отношений. По крайней мере, ближайшие года три-четыре. Если они оба проживут столько, конечно.

– Тень, можно всего один вопрос?

– Валяй. – Она расслабленно вдохнула теплый, пропитанный солнцем воздух.

Мальчишка никогда не называл ее по имени. Не потому, что сам хотел так, а потому что Вэл запретила. Ее прошлое имя – оба имени – принадлежали другому миру.

– Ты сказала, что не можешь любить. Это из-за того человека, да? Который спас тебя?

Боль не заставила себя ждать, прочерчивая кровоточащие линии глубоко внутри.

– Нет, – совладав с собой, ответила она, – тот человек здесь ни при чем.

«Врешь, Валлери, и не краснеешь. Не проще ли сказать правду и быть откровенной перед тем, кого ты совсем недавно в глаза назвала братом?»

Невозможно. В одном она была честна – когда сказала, что не может никого любить.

Верно. Потому что уже любила.

Запах гниющей плоти ворвался в ноздри, и Вэл прижала руку ко рту, с трудом останавливая рвотные позывы. Она поспешно натянула на нос шейный платок, скрывая лицо, и без того погруженное в тень от капюшона, и на миг остановилась, приводя дыхание в норму.

Отвратительно, но выбора не было. Отодвинув грязную, серую от времени тряпку, служившую дверью в это богами забытое место, Вэл ступила в бесконечно длинное, узкое помещение, больше напоминавшее старую полуразрушенную конюшню, чем лазарет для бедняков и безродных. Медный запах крови и трупная вонь висели в воздухе густо, смердяще, почти осязаемо видимо в тусклом блеклом свете масляных светильников.

Прогнившие соломенные лежаки устилали пол, образуя небольшой проход, по которому торопливо сновали сестры милосердия, одетые все как одна в темные закрытые платья. Их волосы, собранные на затылке в тугие пучки, казались бесцветными, сливаясь с обстановкой этой вонючей дыры. Носы и рты женщин были закрыты черными платками, делающими их лица безучастными, не несущими в себе ни единой эмоции.

Желудок унялся, больше не пытаясь извергнуть свое содержимое.

Вэл, двигаясь медленно, прошла вперед по проходу, с неприязнью рассматривая обитателей лазарета.

Стоны и всхлипы раздавались со всех сторон, словно музыка преисподней. Практически каждый лежак был занят корчащимся в агонии телом.

Вэл видела стариков, сплошь покрытых струпьями, с сочащимся гноем из обширных ран. Видела незадачливых разбойников, лишившихся рук или ног, а если не повезло, то и того и другого сразу. Городская стража хорошо делала свою работу – этого нельзя было не отметить.

Кровоточащие, наспех перевязанные культы были обсижены полчищами мерно жужжащих жирных мух. Наблюдая, как молодой, некогда симпатичный мужчина, кривя рот от боли, прижимает к груди окровавленные обрубки своих рук, лишившихся кистей, Вэл передернуло. Она вспомнила, как бежала по городу, скрываясь от едва не поймавших ее стражников. Не решилась она тогда

повернуть к болотам, ее, скорее всего, ждала бы такая же участь.

Она поспешно отвела взгляд и двинулась дальше, перешагивая через проржавевшие, невынесенные судна с испражнениями и кучи грязного, окровавленного тряпья, брошенного прямо в проходе.

Совсем юная сестра милосердия вопросительно посмотрела на нее, но промолчала, уступая путь. Вэл понимала ее удивление. Она, одетая в дорожную одежду, с лицом, скрытым от посторонних, казалась чуждой этому месту. Наверняка она теперь ломает голову, что такой, как Вэл, понадобилось здесь – в вонючей, прогнившей насквозь клоаке для тех, у кого не было лишнего гроша на нормального доктора.

Девушку привела сюда необходимость.

Джанека, выражаясь предельно ясно, приказала разобраться с одним из своих людей, предавшим ее. Мужик явно переоценил свои силы, пытаясь усидеть на двух стульях. Вэл давно догадывалась, что Хромой Пит работает еще и на другую гильдию, но старалась не занимать этим свою голову. Прошло время, и ее догадки подтвердились.

Джанека не прощала предательства, и мужику сильно досталось. Вэл вообще была удивлена, как он не умер сразу, избитый тяжелыми сапогами разбойников.

А потом Хромой Пит сбежал. И, судя по слухам, теперь находился где-то здесь, в этом вонючем котле, в котором варились в равных пропорциях надежда, боль и отчаяние.

От Вэл требовалось малое: найти мужика и завершить начатое.

Шаг за шагом она продвигалась вглубь лазарета, всматриваясь в лица, корчащиеся от боли. Мужчины, женщины, старики. Даже дети.

Сердце оказалось слепым и глухим к чужим страданиям. Вэл не трогали картины боли и агонии. Она не спрашивала себя, хорошо это или плохо, ей было все равно. У нее была цель, и чем раньше она закончит свое дело, тем быстрее выйдет из смердящего мрака.

Мертвенно-серое лицо, выхваченное из вереницы кривящихся ртов, заставило ее резко остановиться. Она замерла, повернув голову, и широко распахнутыми глазами рассматривала лежащую на грязной соломе исхудавшую пожилую женщину.

Вэл мгновенно потерялась во времени, не замечая ничего вокруг. Она видела только одно лицо из грязной массы человеческих тел вокруг. Худая тщедушная фигура под ворохом рваной, заношенной одежды. Платье.

Дырявые обноски когда-то были платьем. Вэл не сказала бы, какого оно было цвета, настолько истлевшей и грязной была ткань.

Просто проглотила возникший в горле ком и медленно подошла к женщине. Глаза той, водянистые, мутные, смотрели вокруг, вряд ли что-то замечая. Сухие потрескавшиеся губы неслышно шептали, обращаясь к невидимым слушателям.

Руки, тонкие и бледные, лежали вдоль тела без движения. Кисти с черными поломанными ногтями были похожи на птичьи лапы.

Вэл, чувствуя, как сердце убыстряет свой ход, разливая в груди тупую тихую боль, присела на одно колено рядом с лежаком и замерла, смотря на тусклые спутанные волосы женщины. Когда-то они были блестящие, густые, темные. Лоснящиеся от дорогих масел.

Мадам всегда щепетильно относилась к своей внешности. Говорила, что это товар, который надо успеть выгодно продать до тех пор, пока время не украдет его. Вэл помнила, как в бордель заходили торговцы с ящиками, полными причудливых баночек и флакончиков из цветного стекла. Они рассказывали о волшебных кремах, делающих кожу ровной и гладкой, как у младенца. Мадам, в окружении своих девок, налетавших на товар, будто яркие птицы на зерно, всегда покупала себе небольшие, но самые дорогие бутылочки с вкусно пахнущими средствами.

Вэл помнила ее красивой, с большой пышной грудью в вырезе красного платья.

А теперь она лежала перед ней сухая, истлевшая, не похожая на саму себя.

Вэл осторожно, несмело протянула руку, затянутую в перчатку с отрезанными пальцами, и дотронулась до сухой, шелушащейся на запястье кожи женщины. Та вряд ли почувствовала прикосновение, не меняясь в лице и все так же смотря невидящим взглядом перед собой.

– Мадам, – тихо позвала Вэл, чувствуя першение в горле. – Мадам, вы слышите меня?

Но Мадам не слышала.

Вэл видела гнойные язвочки в уголках ее рта и тонкую корку крови на подбородке.

– Мадам... – чуть слышно шепнула Вэл.

Дрожащая рука поднялась и коснулась редких седых волос.

Женщина никогда не была ей матерью. Вэл смутно помнила, как однажды назвала ее этим драгоценным словом «мама», но та разозлилась и запретила обращаться к ней так.

Вэл не была обижена на нее. Она не злилась на то, что Мадам, потеряв все, что имела, с легкостью отказалась от маленькой девочки, вышвырнув ее на улицу как ненужную собачонку. Девушка была благодарна Мадам за то, что та успела ей дать, за те годы, что она провела в ее борделе, за то, кем она стала благодаря ей.

Кем же?

Пальцы гладили грязные волосы, похожие на спутанное птичье гнездо, и Вэл, не в силах отвести взгляд от своего прошлого, просто стояла на одном колене перед умирающей женщиной, чувствуя, как рушится внутри нее осколками стеклянный купол, которым она так тщательно закрывала свои эмоции все это время.

Боль, протягивая когтистые лапы, вырвалась из своего плена, окутывая цепкими длинными пальцами. Она кусала, жалила, рвала на части, упиваясь своей

властью.

– Миледи... – Хриплый надтреснутый голос заставил Вэл вздрогнуть, вскидывая голову.

Она приоткрыла губы, втягивая воздух, пытаясь привести бешено скачущее сердце в относительное спокойствие.

Мадам смотрела на нее, слепо щурясь, пытаясь сквозь мутную пелену, покрывающую старческие глаза, разглядеть ее лицо.

Рука потянулась к шейному платку, стягивая его вниз. Вэл замерла, а затем медленно опустила капюшон, открывая лицо тусклому свету масляных светильников.

Пряди на висках были заплетены в тонкие косы, вместе с длинными волосами стянуты в хвост кожаным шнурком – единственное украшение прически, которое Вэл допускала.

Женщина молча изучала ее, мутный взгляд скользил по ее фигуре, незримо ощупывая и поглаживая, и сердце Вэл окатилось огнем, когда искра узнавания мелькнула в тусклых глазах.

– Малышка... Вэл? – пораженно прошептала женщина, и та, не сдержавшись, крепко зажмурилась, чувствуя, как непрошенные ядовитые слезы стекают по щекам.

Она поспешно вытерла глаза ладонью, и широкая искренняя улыбка, та самая, которая всегда была ее оружием, привычно появилась на лице.

– Это я, Мадам, я, – ответила она, хватаясь за худую ладонь женщины. Мадам моргнула, прогоняя влагу, скопившуюся в уголке глаза.

Вэл протянула руку и аккуратно вытерла мокрую дорожку, которую одинокая слезинка оставила на худой щеке.

– Ты... так изменилась, – пальцы женщины сжались, чуть ощутимо стискивая ладонь девушки, – такая... красивая.

Вэл дернула ртом, с трудом сдерживая неуместные рыдания. Хотелось исчезнуть, лишь бы не видеть эту едва живую женщину, которую она помнила иной – живой, пышущей здоровьем.

Лошадка. Мадам подарила ей лошадку.

А еще только для нее покупала на рынке самую крупную сладкую вишню.

– Я... могу найти доктора! – горячо воскликнула Вэл, суетливо оглядываясь в поисках сестры милосердия. Она могла помочь старой женщине, должна была вытащить ее из этой клоаки. – У меня есть деньги. Мы найдем лучшего...

– Малышка... – Тонкий, чуть слышный голос заставил ее замолчать. Вэл мелко задрожала всем телом, увидев в лице Мадам то, в чем не хотела признаваться самой себе.

Ей не помочь. Время упущено. Женщина, лежащая на вшивом соломенном тюфяке, умирала.

И в подтверждение ее мыслей Мадам закашлялась. Вэл отшатнулась, в немом ужасе наблюдая за струйкой крови, скользнувшей из уголка ее рта вниз. Кровавые пузыри лопнули на пересохших губах.

Вэл молчала, не находя слов. Сердце стучало в груди, боль беспощадно рвала изнутри, наращивая силу.

– Я рада... что ты... – Женщина слабо улыбнулась онемевшей девушке. – Думала... ты умерла. А ты... вон какая.

«Она видит меня охотницей или стражницей, богатой и успешной, – осознала Вэл с горечью. – Может быть, даже счастливой. Ей говорят об этом чистые волосы, гладкая кожа и дорогая одежда».

Сплошная ложь. Маска, которую она купила слишком дорогой ценой.

– Не тратьте силы, тише. – Вэл ласково погладила впалую щеку, склоняя голову.

Она прикрыла веки, делая глубокий вдох и замирая. Несколько секунд, чтобы взять себя в руки. Несколько мгновений, чтобы собрать себя, разбитую, в единое целое.

Вэл не хотела, чтобы Мадам увидела правду в ее глазах.

– Я искала тебя... – проговорила женщина, со свистом втягивая воздух, – искала. А ты пропала... умерла, я думала. Прости, что так получилось, малышка...

Вэл больше не скрывала слез. Не могла. Они текли по ее щекам, прячась в складках шейного платка.

– Не плачь, – голос Мадам затихал, теряя силу, – я всегда знала, что ты... вырвешься... изменишь все.

Вэл подняла глаза, встречая ее мягкий взгляд.

– Но я ничего не изменила, – сказала она тихо.

Признание вывернуло душу наизнанку, разорвало ее на мелкие лоскуты и выбросило прочь.

Мадам молчала, не отрывая взгляда от бледного лица.

Вэл держала ее ладонь дрожащей рукой и не могла произнести ни слова. Она не знала, что женщина видит в ее глазах, поняла ли она на самом деле, кто перед ней и как низко пала ее приласканная много лет назад сиротка.

Даже не шлюха. Много, много грязнее.

Отчасти Вэл хотелось, чтобы Мадам знала. Она не хотела притворяться перед ней той, кем не являлась.

Не сейчас, не здесь, не тогда, когда Мадам умирала в этом гнилом месте.

Они встретились спустя так много лет... Не для того, чтобы Вэл играла чужую роль.

А для чего же?

– Я... – наконец сказала женщина, нарушая молчание, – не хочу умирать в одиночестве.

– Я заберу вас отсюда, – твердо сказала Вэл, сжимая ее ладонь, – я не оставлю вас.

– Нет, малышка, не нужно... – И снова кашель сотряс тщедушное тело.

Грудная клетка Мадам опускалась и поднималась со свистящим, неприятным уху звуком. Когда приступ стих, Вэл с волнением увидела новую струйку алой крови, куда более обильную, чем прежде.

– Помоги мне, – шепнула женщина, ловя взгляд голубых ошарашенных глаз, – я знаю... ты можешь.

– О чем вы? – растерянно спросила Вэл, неуверенно сглатывая.

– Ты... знаешь. – Взгляд Мадам, на краткое, чуть уловимое мгновение став прежним – цепким, умным, сильным, – переместился вниз.

Вэл опустила голову, рассматривая рукоять своего кинжала, висящего на поясе в кожаных ножнах.

Мадам не просила доктора. Она не просила забрать ее отсюда. Вэл все поняла по ее взгляду, а Мадам все поняла по ее лицу.

Вэл действительно могла.

Мадам прочитала ее, невзирая на все маски, что она носила. Мадам поняла, кто она и на что способна.

Кто еще, если не женщина, младенцем державшая ее на руках?

И тогда боль ушла, а слезы высохли.

Вэл, ощущая бездонную черную пропасть в груди, низко наклонилась, касаясь губами холодного лба женщины. Свободная рука легла на рукоять кинжала, медленно вытаскивая его из ножен.

Мадам только слабо вздохнула, когда острое лезвие вошло точно между ребер, в самое сердце. Грудная клетка тяжело опустилась и больше не поднялась.

Вэл отстранилась, заученным движением убирая клинок. Губы ее все еще хранили ощущение чужой кожи.

Она чуть склонила голову, в последний раз глядя в знакомое лицо. Ладонь легла на сухие веки, закрывая их.

Удивительно, как смерть преображает. Лицо Мадам казалось спокойным, будто она заснула здоровым безмятежным сном.

Пальцы нежно дотронулись до седых волос, провели линию вниз по щеке, коснулись подбородка, стирая следы крови.

– Миледи? Все в порядке? – Молоденькая сестра милосердия, сложив руки на подоле темного платья, участливо смотрела на Вэл.

Точно вынырнув из глубин темного озера, она повернула к ней голову:

– Эта женщина умерла. Позаботьтесь о ее теле. – Вэл поднялась с колен, попутно доставая из кармана кожаный кошель. – Она не заслужила такой смерти, так пусть хотя бы найдет свое упокоение не с ворами и преступниками.

Глаза девушки изумленно распахнулись, когда Вэл опустила в ее ладонь золотые монеты.

– Надеюсь на вашу честность. Похороните эту женщину не за оградой.

И двинулась вперед по проходу, когда голос девушки заставил ее остановиться:

– Но как ее имя? Что написать на доске?

– Не знаю. Что хотите, – не оборачиваясь, ответила Вэл, продолжая свой путь.

У нее еще были невыполненные дела в этом рассаднике грязи и боли.

Глава 3

Привычный мир разлетелся на осколки.

Первой мыслью Вэл было нечто невразумительное и невнятное, набор невысказанных символов и переплетений эмоций.

Когда сердце, сдавленное и очумелое, в очередной раз ударило, отдавая болью, она встрепенулась, моргнула и глубоко вдохнула.

Что за?..

– Я купил два! – Подскочивший Никс протянул ей присыпанный сахарной пудрой рогалик. – Держи!

Вэл перевела взгляд на мальчишку, рассматривая его широко распахнутыми потемневшими глазами, будто впервые видя.

– Ты чего, Тень? – растерянно спросил Никс, заглядывая в ее побледневшее лицо.

Вместо ответа Вэл подняла голову, всматриваясь в знакомый силуэт. Рыночная площадь, по случаю выходного дня практически битком забитая покупателями, галдела и привычно жила своей торопливой и суетливой жизнью. Лаяли брехливые собаки, перекрикивались лавочники, громко ругались старушки в кружевных чепцах, сетуя на плохой товар и недобросовестность продавцов,

и мир казался совершенно привычным.

Если бы не одна незначительная деталь, никак не вписывающаяся в окружающую реальность.

Никс проследил за взглядом Вэл и вопросительно посмотрел в растерянное лицо.

– Тень, ау! – Мальчишка махнул в воздухе рогаликом. – Ты привидение увидела, что ли?

– Почти, – рассеянно ответила Вэл, делая шаг вперед.

Легко лавируя между спешащими по своим делам горожанами, она уверенно продвигалась к своей цели.

До того самого момента, как ее рука легла на широкое плечо, как пальцы почувствовали толстую ткань коричневой куртки, она так и не верила до конца в то, что видела.

– Че надо? – Зефф огрызнулся, оборачиваясь и впиваясь взглядом в бледное лицо.

Какой-то краткий миг он ощупывал глазами стоящую перед ним девушку, а потом его рот растянулся в изумленной гримасе.

– Валлери? – громогласно пророкотал он, хватая Вэл двумя руками за плечи и хорошенько встряхивая. – Это ты?!

– Это я, – оторопело пробормотала Вэл, чувствуя себя не на своем месте. Ладони Зеффа на плечах казались чем-то инородным, ненастоящим.

Сумасшествие какое-то.

Всего этого просто не могло быть. Просто потому, что не могло, и все.

– Малая! Это ты! – Зефф хохотнул и решительно притянул ее к себе, тяжело хлопая по спине.

Вэл ошеломленно молчала, ощущая себя сделанной из ваты.

– Ты че тут вообще делаешь? – Нисколько не изменившийся за минувшие почти полтора года бородач наконец отпустил девушку и громко ухнул, упирая руки в бока и с прищуром рассматривая ее, потерявшуюся в своих чувствах.

Вопрос застал Вэл врасплох. Все происходящее было похоже на странный сон, который все тянулся и тянулся и никак не хотел заканчиваться.

– Это я что здесь делаю? – Вэл удивленно приподняла брови, с трудом собирая в себе силы для какого-либо внятного ответа. – Это ты что тут делаешь?

– Я? Да как же – вот сбрую покупаю, – с хитрецей произнес Зефф, в доказательство своих слов кивая на стоявшую неподалеку конюшню. – А ты что здесь забыла? Все думали, вы со своим дружком подались в путешествие по вашим землям. Уж никак не ожидал тебя увидеть в этом городе.

Вэл нервно улыбнулась.

Дружок? Зефф говорит о Шейне?

Упоминание светловолосого волка острой иглой пронзило сердце.

Никто не знал, что его больше нет. Никто, кроме нее.

– Я живу здесь. Это же мой родной город.

Зефф широко улыбался, рассматривая Вэл с нескрываемым интересом, но, несмотря на выражавшую его лицо радость, она видела в бородаче что-то еще тревожное, словно он был не до конца искренен.

Еще бы.

Перед Зеффом стояла самая что ни есть настоящая предательница. Она оставила своего Первого, сбежала с любовником, предала жоака и стаю.

Стоило ли сетовать на судьбу? Зефф имел полное право прямо сейчас свернуть ей шею.

Но бородач лишь изобразил сильное удивление:

– Seriously? С ума сойти! Думал, все, сгинула ты в любовной паутине. Обалдеть! Вот наши удивятся, когда я им скажу, что ты только до города и добралась!

Любовная паутина.

Из уст Зеффа звучало почти насмешкой. Только сам шутник и не предполагал, насколько был близок к истине.

Вэл действительно сгинула, только паутина была совсем не такая расписная, какой могла казаться со стороны.

Никс, замерший в недоумении рядом, нерешительно тронул ее за рукав рубахи:

– Тень... нам...

Острый взгляд Зеффа мгновенно переметнулся на мальчишку.

– А это кто у нас такой? Какой хорошенький! – Он протянул руку и потрепал обалдевшего от происходящего Никса за щеку. – Сынок, что ли? Да шучу-шучу! Дружок твой?

Мальчишка, пунцовый от стыда, зашипел, как кошка, и шархнулся в сторону, вставая за плечо Вэл. Она, ощущая, как мир стальным обручем стискивает голову, не обратила на происходящее никакого внимания.

Ее занимало иное. В груди тревожно щемило, знакомые ядовитые клыки то и дело норовили вонзиться в обеспокоенную душу.

– Дружок, да. Вроде того, – рассеянно ответила она. – Зефф, послушай, а ты... один здесь?

Ну вот, спросила.

Всего секунда до ответа, показавшаяся вечностью. Сомнительно, что от прищуренного взгляда Зеффа укрылось с трудом скрываемое волнение.

– Ага, один, – протянул он, посмеиваясь в бороду. – Правда, Кара на границе ждет меня. Но сегодня ему придется поволноваться. Идем же, Валлери. – Пальцы Зеффа сомкнулись на предплечье Вэл. – Говори, где у вас тут приличная таверна! Надо выпить за встречу!

И, не дожидаясь ответа, бородач потянул ее за собой.

Никс растерянно захлопал серыми глазами, поспешно окликая Вэл:

– Тень...

Она, чувствуя себя немного не в себе, едва замечая мальчишку, вскользь кинула ему через плечо:

– Иди домой, Никс. Выгуляй Раша. Купи себе что хочешь.

Никс, переводя полный непонимания взгляд с Вэл на бородача, попытался было возразить, но она, на мгновение придя в себя, грубо прервала его:

– Ты слышал, что я сказала.

Никс замер на месте, опустив плечи и крепко сжимая в руках забытые рогалики.

– Хорошо, Тень, – смиренно пробормотал он.

Зефф насмешливо фыркнул, хлопая Вэл по плечу:

– Что? Я не расслышал. Как он тебя называет? Тень-хрень? Это что значит?

– Потом расскажу, – несмело улыбнулась Вэл.

Если бы.

Рассказывать о своей новой жизни она не собиралась.

Ни сейчас, ни потом.

Запах алкоголя ударил в нос сразу, как только они вошли в таверну.

Вэл поморщилась и брезгливо покосилась на валяющегося под одним из замызганных столов городского стражника. Мужик, раскинув ноги и являя миру свои мокрые штаны, оглашал таверну громогласным храпом. Девушка невольно задумалась о том, что сделал бы с ним Раза, увидев в таком виде. Уж по голове бы не погладил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/aro_ol-ga/prikosnovenie-zverya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)